

МАЯКОВСКИЙ

В. В. МАЯКОВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Н. МАСЛИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

Под общей редакцией

Н. Н. Асеева, Л. В. Маяковской, В. О. Перцова

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И ПОЯСНЕНИЯ В. О. ПЕРЦОВА

*Маяковский был и остается
лучшим, талантливейшим поэтом
нашей советской эпохи.*

И. С Т А Л И Н

ОТ РЕДАКЦИИ

Тексты произведений В. В. Маяковского в настоящем издании печатаются по вышедшим томам Полного собрания сочинений (начато в 1938 г.) и Собранию сочинений, законченному в 1937 году, с исправлениями по первоисточникам.

Основной принцип расположения произведений — хронологический.

В особые разделы выделены стихи детям, поэмы, пьесы.

Подстрочные примечания принадлежат В. В. Маяковскому. Рисунки в тексте — В. В. Маяковского. (См. список иллюстраций.)

Звездочка у заглавия произведения указывает на помещенные в конце книги редакционные пояснения.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

В поэзии XX века первое место по праву занимает Владимир Маяковский, которому суждено было стать основоположником новой, социалистической поэзии. В его творчестве нашла отражение великая эпоха ломки человеческих отношений и построения бесклассового общества. Явившись на рубеже двух эпох, Маяковский сознательно связал свою жизнь и творчество с великой борьбой трудящихся за коммунизм, он «стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений»¹.

Наследство Маяковского — итог его напряженного труда, неустанных поисков и дерзаний, неукротимого стремления завоевать массового читателя. Советский народ любит и ценит Маяковского за народность, идейную силу его стиха, за новизну и монументальность образов, за гуманизм утверждаемых в них идей, за то волнующее напряжение чувства, которым одухотворена поэзия Маяковского и без которого не может быть подлинного искусства.

I

Литературная ситуация в России к началу первых печатных выступлений Маяковского была вполне выявившейся. В ней отразились особенности классовых противоречий той поры. В идеологии ожесточенно боролись между собой два лагеря — революции и реакции.

В этой борьбе позиция Маяковского была совершенно определенной. Он находился в революционном лагере.

Антинародному, антиреалистическому декадентскому искусству начала века, проникнутому идеологией господствующих классов, напуганных призраком грядущей пролетарской революции, противостоит творчество М. Горького и реалистическая литература, возглавляемая им. Поэзия раннего Маяковского находилась, несомненно, в этом русле.

Здоровое революционное направление в литературном движении, связанное с деятельностью Горького и литературой, им возглавляемой, отражало передовые

настроения пролетариата, который поднимал и вел широкие трудящиеся массы к народной революции, против самодержавия. И. В. Сталин писал в 1912 году:

«Нужно спасти страну от нищенства и деморализации! Но можно ли сделать всё это, не опрокинув снизу доверху всё здание царизма? И как опрокинуть царское правительство со всеми крепостническими пережитками, как не путём широкого народного революционного движения, руководимого признанным историей вождём его, социалистическим пролетариатом?...»¹

После поражения революции 1905 года реакция начала наступление по всему фронту. Буржуазия и дворянство объединились. Столыпинская реформа 1906 года и третьенюньский государственный переворот 1907 года означали торжество самой неприкрытой реакции. Декадентскую литературу охватывают прямые контрреволюционные настроения, усиливается отход от революционной борьбы временных попутчиков революции. Одни из них оказались перебежчиками в лагерь реакции, другие окопались в сохранившихся легальных рабочих организациях, приспособившись к новой обстановке и пытаясь отвлечь пролетариат от революции.

«...Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культы личности»...

Все эти господа, несмотря на всю их разношерстность, преследовали одну общую цель — отвратить массы от революции»².

Только большевистская партия, в трудных условиях отступления, применяя обходные пути и методы, готовилась сама и готовила трудящиеся массы к новому наступлению.

Отражением идейного разброда, паники и страха перед грядущей пролетарской революцией, охватив-

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, «Молодая гвардия», 1946, стр. 84.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 215.

² История ВКП(б), Краткий курс, 1946, стр. 96—97.

ших господствовавшие классы и буржуазную интеллигенцию в начале века, явилась литература русского декадана — символизма, а позднее акмеизма и футуризма. «Всех их объединял звериный страх перед грядущей пролетарской революцией»¹. Все эти школы, принимавшие на отдельных этапах своего развития различную окраску, были связаны с идеологией буржуазии и дворянства и выступали против литературы, выражавшей идеи социалистического движения.

Акмеизм — не новая школа, «преодолевшая символизм»; акмеизм — это символизм на новом этапе, в новых конкретных исторических условиях. В нем сохранилась и мистика символизма — у Гумилева и в особенности у Ахматовой, — и экзотика, и — главным образом у Гумилева — ненависть к рабочей революции. Акмеизм — наиболее целостное и последовательное выражение идеологии русского империализма в художественной литературе.

Мировая война 1914 года до конца разоблачает классовую природу символистов и акмеистов. За единичными исключениями (Блок, Брюсов в 1915—1916 гг.), все они включаются в хор певцов и пропагандистов империалистической бойни. Гумилев уверяет, что никогда не было еще такой «грозовой и прекрасной войны». Игорь Северянин пишет «Благословение войне».

М. Горький в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей, говоря о литературе предреволюционного десятилетия, заметил, что оно «вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции».

«Время от 1907 до 1917 года, — говорил Горький, — было временем полного своеволия безответственной мысли, полной «свободы творчества» русских литераторов. Свобода эта выразилась в пропаганде всех консервативных идей западной буржуазии»².

Раннее творчество Маяковского — пример сознательного служения новому демократическому искусству. Как свидетельствует поэт в своей биографии, он еще в 1910 году, за два года до напечатания своего первого стихотворения, современную ему литературу оценил как «эстетику старья». «Хочу делать социалистическое искусство», — писал он в автобиографии. Разумеется, будущий поэт вкладывал в понятие «социалистическое искусство» далеко не то содержание, которое стало ясным для него в последующие годы.

Отвергая «эстетику старья», искусство «вчерашнего дня», Маяковский активно включался в борьбу за новое искусство, пытался формулировать на основании современного опыта и собственных размышлений требования к искусству будущего.

«Ненависть к искусству вчерашнего дня, к неврастении, культивированной краской, стихом, рамшой,

ничем не доказанной необходимостью выявления крошечных переживаний уходящих от жизни людей», — эти слова Маяковского из его первой статьи 1913 года под названием «Театр, кинематограф, футуризм» достаточно поучительны для понимания его раннего творчества.

В той же статье Маяковский обосновывает необходимость новых требований и жизненность «наших идей» не личными вкусами и «лирическим пафосом», а «точной наукой», «исследованием взаимоотношений искусства и жизни».

Занять сразу же до конца последовательные реалистические позиции Маяковскому помешали его связи с футуризмом, представлявшим собой разновидность и порождение декадентского искусства начала XX века. Маяковский в начале творческого пути печатал свои стихи в сборниках кубофутуристов, подписывал их декларации, участвовал вместе с Бурлюком и Крученых в шумных литературных выступлениях. Маяковский ошибочно полагал, что только футуристы смогут до конца разрушить старое искусство и создать новую художественную форму.

Понятно, что влияние футуристов не могло не сказаться на формировании молодого поэта. Оно проявилось как в понимании Маяковским сущности искусства, так и в его поэтической практике. В статье «Два Чехова» поэт провозглашает «безразличность» содержания и в доказательство выдвигает такое формалистическое сравнение: «Чехов первый понял, что писатель только выгибает искусную вазу, а влить в нее вино или помой — безразлично. Идей, сюжетов — нет... Не идея рождает слово, а слово рождает идею».

Футуристический формализм и установка на «эпатирование» вкусов буржуа оказали известное влияние на первые стихи Маяковского. В стихотворениях «Утро», «Из улицы в улицу» сильны тенденции формалистического экспериментаторства в области ритмики и рифмы. Футуристическим эксцентризмом продиктованы также стихи «Нате», «Кюфта фата», «А все-таки» и др. В них наряду с гуманистическими мотивами, искренним протестом против буржуазных порядков, «бесценных слов транжир и мот» — как себя называет в эти годы поэт — густо используется краски и средства из арсенала футуристического эпатажа.

Однако анализ творчества Маяковского уже этих лет приводит к выводу, что органической связи с футуристами у молодого поэта не было.

Показательны некоторые высказывания о Маяковском в те годы его современников и прежде всего М. Горького. Известны слова Горького о Маяковском, «талантливейшем, крупнейшем поэте», относившиеся к 1916 году и записанные в своем дневнике Б. Юрковским. «Собственно говоря, — отмечал Горький, — никакого футуризма нет, а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт...» К. Чуковский в своих воспоминаниях о Маяковском рассказывает: «На прощанье Репин сказал Маяковскому: уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист! Все

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 12.

² М. Горький, Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1937, стр. 646.



Семья Маяковских. Стоят: отец Маяковского Владимир Константинович и сестра Людмила Владимировна. Сидят: мать Маяковского Александра Алексеевна, В. Маяковский и сестра Ольга Владимировна. Фото. 1905.

это у вас папускное. Вы такой же футурпст, как я». И дальше: «И этот человек воображает, что он — футурист. Да у него в каждом штрихе самый матерый реализм».

Новаторство не узко формалистское, а идейное, сильнейшие демократические тенденции, реалистическая направленность творческой программы — вот что разделяло Маяковского и футуристов.

Маяковский решает всю сумму творческих задач, «осваивает» общественную тематику, создает новый образ, ритмику, синтаксис, язык.

Ранняя поэзия Маяковского насыщена социальными мотивами. Она закладывает фундамент поэзии, рассчитанной на массы, поэзии площадей и улиц, которым «нечем кричать и разговаривать». Поэтическая речь опрощается и «огрубляется», в стихи вторгаются бытовые и вещные образы. Чисто символистские образы, перенесенные в реалистическую атмосферу, пародируются и как бы снимаются (бог «побежит по небу с моими стихами подмышкой и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым»). Реалистическому разрушению подвергается весь строй поэзии символизма. Поэт объявил борьбу поэзии полунамеков, поэзии, далекой от жизни народа и враждебной ему.

В ранних стихах и поэмах Маяковского реализуется принцип предметности, вещности образа. Даже отвлеченные понятия или чувства превращаются у Маяковского в реальную, зримую и осязаемую вещь:

Это сквозь жизнь я тащу
Миллионы огромных чистых любовей
И миллион миллионов маленьких грязных любят.

Овеществление, опредмечивание живых человеческих чувств и переживаний («скажут бешеные, и уже у нервов подкашиваются ноги») у Маяковского имеет воинствующий гуманистический смысл. Его лирический герой, как горьковский Данко, отдает людям свое окровавленное сердце во имя «настоящих людей, бога самого милосердней и лучше». Предсказывая наступление желанного года революции и определяя свою роль в ней, Маяковский заявляет:

И когда,
Приход его
Мятежом оглашая,
Выйдете к спасителю —
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! —
и окровавленную дам, как знамя.

В ранней поэзии Маяковского выражена основная тема поэта о трагическом человеческом существовании в условиях капиталистической «цивилизации», тема яростного протеста против капитализма. Поэт обнажает тот процесс обезчеловечения людей и их чувств, который составляет особенность буржуазного общества. Вскрывая социальный характер вещных отношений при капитализме (поэма «Человек»), Маяковский разоблачал и фальшь апологетической поэзии акмеистов —

парочный, показной и декоративный характер их оптимизма. Сатирические стихи Маяковского о «сытых Сытинных», об ученых прислужниках буржуазии, о поэтах, «чирикавших перепелами», о капиталистическом городе «лепрозории», о «быкомордой», «мясомасой» ораве — все эти стихи были направлены против акмеистов и того, что воспевалось ими. — буржуазного мира.

Капиталистический строй обрекает народные массы на духовное и физическое вымирание. Это ясно понимает поэт и создает образ своего бунтующего лирического героя.

Загнанный в земной загон,
влеку дневное иго я.
А на мозгах
верхом
«Закон»,
на сердце цепь —
«Религия»...

Я в плену.
Нет мне выкупа!
Оковала земля окаянная.
Я бы всех в любви моей выкупал,
да в дома обнесен океан ее!

Классовое общество калечит сильного и красивого от природы человека. Отсюда острая, от самого сердца идущая ненависть поэта к эксплуататорскому строю, любовь к поработанному человеку, к народным низам, смятым и обездоленным этим строем. И поэт ратует за подъем самосознания этих масс, за то, чтобы они сами были «творцами в шуме фабрики и лаборатории».

Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!

Нам, здоровенным,
с шагом саженьным,
надо не слушать, а рвать их, —
их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати!

Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!

Мы сами творцы в горящем гимне —
шуме фабрики и лаборатории.

Пафос бунтарства и очищения жизни огнем народной революции заставил Маяковского уже в те годы задуматься над вопросом о роли поэта и поэзии в общественной жизни. Здесь истоки и величайшей напряженности постоянных лирических раздумий поэта о своей судьбе. Этот лиризм многие называли индивидуализмом, «ячеством» Маяковского. Между тем «индивидуалистические» мотивы раннего Маяковского не были только лишь отвлеченным противопоставлением лирического героя окружающей действительности. Эти мотивы сразу же приобрели у Маяковского обществен-

ное звучание. Поэтом отвергалась действительность, которая калечит и умерщвляет человека. Его, поэта, глубокое сочувствие на стороне угнетенных и обездоленных.

В разработке темы о назначении поэта выражена волнующая гуманистическая мечта Маяковского, страстно желающего раскрепостить человека духовно, вырвать его из исторически сложившихся отвратительных условий жизни. Образ гармонического человека, полного огромной творческой энергии, встает в сознании Маяковского, и расцвет человеческой личности связывается в его поэзии с идеей социального преобразования.

Дооктябрьская лирика Маяковского тесно связана с его поэмами, являясь как бы вступлением к ним. Мотивы протеста и бунта, тема «поэт и народ», занимающие центральное место в лирике, подняты в поэмах на высоту эпического обобщения.

В поэме «Война и мир» дана политически острая оценка империалистической сущности первой мировой войны.

Программное значение в творчестве Маяковского тех лет имела поэма «Облако в штанах» — одна из немеркнущих жемчужин мировой поэзии.

«Долой в ашу любовь», «долой в аше искусство», «долой в аш строй», «долой в ашу религию» — четыре крика четырех частей». Так сам поэт объяснил идейное содержание «Облака в штанах» в предисловии ко второму изданию (1918 г.). Как известно, А. М. Горький сразу же дал высокую оценку поэмы, первое издание которой в 1915 году было изуродовано царской цензурой.

Образная структура «Облака в штанах» определена идейным содержанием. Даже пейзажные образы переключаются в общественно-политический план (тучи «небу объявляют озлобленную стачку»). Лирические отступления, сливающиеся в «Облаке» и других поэмах с повествовательным рассказом, приобретают отчетливый критический, призывной характер:

Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришел чтоб и бился лбом бы!

Острое социальное чутье и политический опыт, накопленный поэтом за время работы его в Московской большевистской организации, помогли Маяковскому определить свою позицию в отношении к войне и февральской революции. Война явилась величайшим переломом в жизни народов. Она явилась испытанием для всех партий и течений, называвших себя социалистическими. Она была испытанием и для русской поэзии. Голос Маяковского гремел против империалистической бойни, призывал к революционному выступлению, к разрушению старого мира («Война объявлена», «Я и Наполеон», «Вам»).

Выпарили человечество кровавой башей
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албаншей...

Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамью.

С первых дней февральской революции Маяковский разоблачает соглашательскую политику «меньшевистско-эсеровских предателей революции», видит новые задачи, вставшие перед народом. Нужно было добивать силы царизма («взлетел, простерся орел самодержца, черней, чем раньше, злей, орлинее»), создавать вооруженную гвардию и готовиться к новому штурму:

Шире и шире крыл окружье.
Хлеба нужней,
воды изжажданней,
вот она:
«Граждане, за ружья!
К оружию, граждане!»

Временное правительство выпустило обращение с просьбой об общественной поддержке. На одном из собраний профессионального союза художников-живописцев Москвы, в члены которого Маяковский вступил в июне, обсуждалось это обращение. «Председательствующий Шабшал зачитал обращение и поставил вопрос о поддержке правительства Керенского... Маяковский произнес громовую речь, и резолюцию провалили»¹.

В дооктябрьский период ясной и до конца последовательной была у Маяковского позиция отрицания старого мира и его искусства.

II

Стало общим местом в литературе о великом поэте утверждение о том, что перед ним не стоял вопрос, принимать или не принимать Октябрьскую революцию. Действительно это так. «Моя революция» — сказал поэт и с первых же дней стал работать с советской властью.

Маяковскому с самого начала были близки интересы самых широких демократических масс, интересы народа. Поэт видел несправдливость, страдания человека в буржуазном обществе. И ненависть и отрицая это общество, он верил в возможность нового общественного строя, в котором установятся подлинно человеческие отношения. В Октябрьской революции поэт видел наиболее полное осуществление народных интересов и чаяний.

Когда я
итожу
то, что прожил,

¹ Н. У д а л ь ц о в а, Из воспоминаний. Цитирую по литературной хронике В. Катавьяна «Маяковский», М. 1945, стр. 50.

Перед советской литературой с первых лет ее существования и развития встали задачи борьбы с враждебными теориями и влияниями, реакционными школами и направлениями, задача честно и открыто служить народу, делу укрепления его завоеваний, построения социалистического общества.

Маяковский, преисполненный чувства социальной ответственности за общее дело народа, рассматривал свое творчество как грозное оружие в борьбе за коммунизм. В статье «С неба на землю», написанной в 1923 г., он решительно выступал против литературной косности и рутины, против сторванности литературы от жизни.

«Поэты и писатели, — говорил Маяковский, — вместо того чтобы руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки» и «хитоны» и «Парфенон», и «грезы». и чорт его знает чего тут только нет. Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю».

А. В. Луначарский в одной из статей 1923 г. рассказывал о споре с Маяковским, доказывавшим ему, что «самое великое призвание современного поэта — в хлестких стихах жаловаться на дурную мостовую на Мясницкой улице». Мы понимаем это не буквально, а как полемическое требование к поэтам спуститься с «заоблачной выси» на землю, подчинить поэтическую работу насущным потребностям народа и революции. — «В душе я был им очень доволен, — замечает Луначарский. — Пыл и парадокс гораздо приятнее, чем та форма «наплевиизма» на жизнь, которую являет художественный формализм». В знаменитых «приказах по армии искусств» поэт обращается с пламенным призывом к его деятелям стать на службу революции: «Товарищи, дайте новое искусство — такое, чтоб выволочь республику из грязи». Маяковский понимал, что для этого прежде всего нужно смести с пути эстетов, «запутавшихся в паутине рифм» «длинноволосых проповедников» и всех прочих недобитых сторонников «эстетического старья».

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристки,
имажинистки,
акмеистки,
запутавшиеся в паутине рифм.

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.

Мотив борьбы за революционное действенное искусство проходит сквозь всю поэзию Маяковского. Он вос-

стает против поэтов, которые идут «не по линии создания новой пролетарской поэзии, а по линии декаданса, старой упадочнической поэзии». В статье «Как делать стихи?» Маяковский пронизывает над мечтающими в поэзии отвести душу на «сиренях, персях, трелях, аккордах и ланитах» Он нападает на поэтов за их «грошовой романтизм», за пристрастие к библейским образам, бичует горе-лирика, который, «закрыв глаза на все, что кругом творится, сладенько изливается». «Взять его, — говорит дальше Маяковский о таком типе поэта, — и носом, как щенка, ткнуть в жизнь».

Маяковский постоянно разоблачал тайных и явных врагов передового искусства. Его полемический талант неиссякаем, если речь идет о всяческих проявлениях в поэзии эстетского трафарета, косности, упадочничества. Но уничтожающей критике он подвергал и «однаобразный пейзаж» советской поэзии, требуя, чтобы она была глубокой по содержанию, совершенной и разнообразной по форме, подлинно оригинальной, политически острой и действенной. До конца жизни Маяковский оставался страстным борцом за поэтическое качество. Сам неутомимый труженик, взыскательный шлифовщик поэтического слова, он безжалостно издевался над «братями-писателями» за литературную неряшливость их работы, безответственность и халтуру. «Главной работой, — говорил Маяковский в статье «А что вы пишете?», относящейся к 1926 г., — главной борьбой, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество. Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось».

Для того чтобы в художественных образах убедительно и ярко выразить идеи коммунизма, нужно обладать высоким мастерством. И Маяковский в своей работе над словом достигает предельной ясности и убедительности. Непримируемость к эстетизму, к безликой поэзии и в то же время требование высокого поэтического качества — это две стороны непрекращавшейся до самой смерти борьбы поэта за новый тип революционной поэзии, народной по своей сущности и назначению. Выступая на общемосковском собрании читателей «Комсомольской правды» в 1930 г., Маяковский сказал: «Пора, товарищи, сделать нам литературу из голосовых упражнений действительным оружием нашей повседневной, огромной и в мелочах и в больших проблемах жизни».

Маяковский понимал, что революция открыла перед поэзией широкие горизонты, поставила ее перед лицом нового массового читателя. «Революция дала слышимое слово, слышимую поэзию. Счастье небольшого кружка слушавших Пушкина сегодня привалило всему миру», — писал Маяковский в 1927 г. в статье «Расширение словесной базы». Характерно, что, почти буквально повторяя Белинского, Маяковский называет Пушкина «прекраснейшим, гениальнейшим, величайшим выразителем поэзии своего времени».

Дорогая сестра!

Мы получили твоё письмо 1^ю и сейчас
уже уехали писать. Пока в Кутайсе шло
спрашивать не было ходят митинги и реально
забастовали да и было даны бастовари
на митингах были направлены пушки, а в ре-
альности согнали ещё лучше тишины
поставили во дворе сказав что при пер-
вом возгласе каинки не оставлять на ка-
ин. Новая, блестящая победа была совершена
казаками во городе Мирный там шла
процессия с портретами Николая и
приказала митингистам снять шапки
на несогласие митингистов казаки отве-
тили пулями два дня продолжалась
это избиение. Первая победа над царскими
бандитскими была одержана в урне жёл-
сабаса там было убито около двух-трех
Кутайсе тоже возвращается по улицам
только и слышны звуки Маршальски.

Здесь тоже пели „В жертву пали“
когда слушали патристику по Триде
цком и по тиримским работам.

Пиши и мы тоже

пишут тебе против
твоей драмы
Володя.

Письмо В. В. Маяковского к сестре Л. В. Маяковской. 1905.
Автограф.

«Ленин» — поэма большой обобщающей силы, большой политической вдохновенности, в основу ее положены исторические события огромного значения. Это поэма о великом человеке и великих событиях из истории рабочего класса и его партии, из истории социалистической революции в нашей стране.

В поэме «Ленин» вдохновенно воспето великое единство партии и ее вождя:

Партия и Ленин — близнецы-братья, —
 кто более матери-истории ценен?
 Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия,
 мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин.

Повествование о героической жизни Ленина сочетается в поэме с повествованием о многовековой борьбе народа за свое освобождение, о титаническом подвиге рабочих и крестьян, совершенном под руководством Ленина и партии, им созданной, о победе революционных народных масс в социалистической революции.

Большая эпическая тема поэмы — воссоздание образа вождя и его всемирно-исторической роли — требовала от поэта идейно-политической зрелости в оценке исторических фактов, величайшего художественного такта, огромного художественного волнения и творческого порыва.

Маяковский знал, какие опасности подстерегают художника, берущегося за столь важную тему, и подошел к разработке ее с чувством исключительной ответственности. Эту тему легко можно было снизить, не найти нужных образов, для того чтобы показать все величие такого человека, каким был Ленин. Легко было также сбиться на риторику, на красивые и ложные образы:

Я боюсь этих строчек тыщи,
 как мальчишкой боишься фальши.

 За него дрожу, как за зеницу глаза,
 чтоб конфетной не был
 красотой оболган.

В своей биографии Маяковский признавался: «Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизить до простого политического пересказа». Но Маяковский избежал этого. Поэма о Ленине явилась выдающимся произведением, целым этапом в творческом развитии не только Маяковского, но и всей советской поэзии, победой социалистического реализма в поэтическом творчестве.

Существенно, что историческое повествование согрето внутренним лиризмом, личным голосом поэта. В этом

отличие «Ленина» хотя бы от поэмы «150 000 000», посвященной также большой эпической теме. Хотя в поэме «150 000 000» присутствовал лирический герой, он не был органически связан с основным героическим сюжетом произведения. И то, что Маяковский первоначально отказался от авторства поэмы, которую должны были дописывать тысячи безыменных стихотворцев, только подчеркивало принципиальную установку на «безличность» этой поэмы.

В «Ленине» лирическая линия сливается с эпической. Скорбь и горе, охватившие миллионы людей в траурные ленинские дни, запечатлены Маяковским в начальных главах поэмы с потрясающей силой. Все народное горе, вызванное смертью вождя, было горем самого поэта — члена великой трудовой семьи. В напряженном лиризме поэмы выражалась та слитность чувств поэта с чувствами народа, которая делает эту поэму произведением бессмертным:

Пройдут года
 сегоднешних тягот,
 летом коммуны согреет летá,
 и счастье, сластью
 огромных ягод,
 дозреет на красных
 октябрьских цветах.
 И тогда у читающих
 ленинские веления,
 пожелтевших декретов
 перебирая листки,
 выступят слезы,
 выведенные из употребления,
 и кровь волнением
 ударит в виски.

В 1927 г., к десятилетию Октября, Маяковский написал поэму «Хорошо!». В этом произведении, как и в поэме «Ленин», Маяковский, обращаясь к монументальным историческим обобщениям и точным реалистическим образам, достигает большой идейной и художественной силы. Тема поэмы — история социалистической революции, история строительства социализма в нашей стране.

Разрабатывая и раньше тему революции в произведениях «Мистерия-Буфф» и «150 000 000», поэт осмысливал пролетарскую революцию как результат и высшую форму непримиримой классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Но поэт утверждал торжество социалистической революции, до конца принятой и правильно истолкованной им, отвлекаясь от конкретно-исторических условий ее возникновения и развития, создавая условно-романтические сюжеты и образы. «Мистерия-Буфф» и «150 000 000» неполно передают и историческое своеобразие событий Октябрьской

